

СНВ-2, в пользу США и НАТО и делает данный договор неравноправным, рекомендовать Государственной Думе РФ рассматривать вопрос о ратификации СНВ-2 с учетом роста военной угрозы для безопасности России.

13. Учитывая, что Стратегические ядерные силы РФ являются ключевым элементом сдерживания НАТО и важнейшим фактором поддержания военно-политического равновесия в Европе, рекомендовать Государственной Думе РФ расследовать информацию о начале незаконного уничтожения наиболее эффективного компонента СЯС — тяжелых ракет, которое проводится в рамках реализации СНВ-2, если таковая имеет место. Рекомендовать Государственной Думе Российской Федерации дать оценку досрочному снятию с боевого дежурства и выводу с территории Белоруссии двух дивизий Ракетных войск стратегического назначения, проведенного до вступления в законную силу соответствующего международного договора.

14. Участники слушаний пришли к выводу, что совместный постоянный совет Россия — НАТО (СПС) не оправдывает надежд, возлагавшихся на него при подписании основополагающего Акта Россия — НАТО. Практика работы Совета показывает, что натовская сторона избегает обсуждения существенных вопросов европейской безопасности, пытаясь свести дискуссии к второстепенным техническим вопросам и стремясь использовать механизм СПС для оказания давления на МИД и Министерство обороны Российской Федерации. В этой связи участники слушаний считают необходимым рекомендовать Правительству Российской Федерации рассмотреть вопрос целесообразности участия российских представителей в работе СПС.

5. В связи с необходимостью более детальной проработки проблемы расширения НАТО и пересмотра его характера, рекомендовать включить в план работы Госдумы РФ проведение ряда слушаний по вопросам, связанным с расширением НАТО и возрастанием военной и иных угроз безопасности России. Проведение таких слушаний целесообразно запланировать на февраль и апрель 1999 г.

НАЗРЕВШАЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА: КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, ПРОТИВОРЕЧАЩИХ МЕЖДУНАРОДНОМУ РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В. А. РОМАНОВ

Настоящая статья имеет целью поставить эту проблему, возникающую на грани регулирования важнейшего института разоружения и безопасности, каким является нераспространение ядерного оружия, и международного уголовного права. Публикуемый вместе со статьей проект Соглашении о международной криминализации актов, противоречащих международному режиму нераспространения ядерного оружия, предлагается в качестве одного из возможных средств для того, чтобы приступить к решению этой проблемы. Ее, эту проблему, с полным основанием следует считать назревшей как с точки зрения совершенствования режима нераспространения, так и в контексте тех процессов, которые наблюдаются в сфере международного уголовного права.

* * *

За годы, истекшие после открытия в 1968 г. для подписания Договора о нераспространении ядерного оружия и вступления его в силу в 1970 г., междуна-

родный режим нераспространения этого оружия массового поражения показал свою жизнеспособность и непреходящую значимость как одна из гарантий безопасности человечества, живущего в условиях существования ядерного оружия, как один из столбов современного миропорядка и его международно-правового обеспечения. Это верно применительно к господствовавшей более полувека биполярной структуре международных отношений; это остается верным и для складывающегося на рубеже веков и тысячелетий нового, неконфронтационного общения государств и других его участников. Более того, именно неконфронтационность международного общения открыла возможность для действия целого ряда факторов, оказывающих позитивное влияние на функционирование международного режима нераспространения ядерного оружия. Следует заметить, что договор о нераспространении является основой этого режима, но последний не сводится к положениям договора. Компонентами международного режима нераспространения являются также система гарантий не переключения ядерных материалов с мирных на военные цели, в которой задействовано МАГАТЭ; воплощенные в соответствующих заверениях и договоренностях, а также решениях Совета Безопасности ООН гарантии со стороны пяти ядерных держав безопасности неядерных государств от угрозы в их адрес ядерным оружием или его применения; деятельность "Лондонского клуба" ядерных поставщиков и Комитета Цангера¹.

Действия, противоречащие международному режиму нераспространения ядерного оружия, не могут поэтому, учитывая и структуру режима, не порождать не просто последствий, а комплекса последствий и при том более сложных, чем те, которые возникают, когда такого рода действия совершаются на почве неучастия в договоре либо даже в результате его несоблюдения.

Возвращаясь к вопросу о факторах, укрепляющих и/или придающих международному режиму нераспространения ядерного оружия новые измерения, необходимо прежде всего отметить, что в итоге состоявшейся в 1995 г. конференции по рассмотрению действия и установлению бессрочного характера Договора о нераспространении воплощенный в нем принцип нераспространения ядерного оружия обрел качество принципа *jus cogens*. Вместе с тем росло число участников Договора, которое на конец 1998 г. достигло 187, что сделало договор по сути дела универсальным (вне договора остаются, в частности, Индия, Пакистан, Израиль).

Существенно укрепило международный режим нераспространения ядерного оружия расширение географии региональных зон, свободных от такого оружия. Статья VII Договора о нераспространении явилась отправным моментом для заключения договоров Раротонга о безъядерной зоне в Южной части Тихого океана (1985 г.), Бангкокского о зоне, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии (1991 Пелиндаба 5), о безъядерной зоне в Африке (1996 г.). Денуклеаризация Латинской Америки произошла в результате заключения Договора Тлателолко, выработанного еще в 1967 г. Государствами Центральной Азии — Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном; ведется работа по созданию режима безъядерной зоны для этого региона. О своем безъядерном статусе заявила Монголия². В качестве принципа нераспространения, в том числе применительно к ядерному оружию, закреплено в рамках ОБСЕ. Белоруссия выдвинула концепцию создания пространства, свободного от ядерного оружия, в Центральной и Восточной Европе. Следует также упомянуть о проекте закона об объявлении Исландии зоной, свободной от ядерного и химического оружия, и о запрете на перемещение транспортных средств с ядерными двигателями, внесенном в исландский Альтинг в 1998 г.

На дальнейшее укрепление международного режима нераспространения ядерного оружия направлена работа Подготовительного комитета к очередной

конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении, которая созывается в 2000 г.³

Фактором, реально укрепившим международный режим нераспространения ядерного оружия, являлось заключение и реализация Лиссабонского Протокола 1992 г. к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991г.⁴ Выполняя свои обязательства по этому Протоколу, заключенному между Россией, США, Белоруссией, Казахстаном и Украиной, три последние названные государства присоединились на протяжении 1993—1994 гг. в качестве государств, не обладающих ядерным оружием, к Договору о нераспространении. Белоруссия, Казахстан и Украина также приняли на себя и выполнили обязательство об удалении со своих соответственных территорий ядерных вооружений, принадлежавших ранее СССР⁵.

Действенность режима нераспространения ядерного оружия демонстрирует и устранение такого его существенного нарушения, длительное время вызывавшего озабоченность международного сообщества, как осуществление военной ядерной программы со стороны ЮАР, в результате чего ею в период господства режима апартеида было создано шесть ядерных взрывных устройств. С демонтажем режима апартеида ЮАР уничтожила эти устройства и в июле 1991 г. присоединилась в Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства, а затем приняла участие в подготовке договора о безъядерной зоне в Африке.

Таковые основные факторы, показывающие, что международный режим нераспространения ядерного оружия является не просто совокупностью международных норм, с которыми нет и не может быть правовых оснований не считаться, но и весомой политико-правовой реальностью постконфронтационного миропорядка, а в более широком плане — общественно-исторической необходимостью в условиях ядерного века.

Однако имеются и факторы, которые воздействуют на международный режим нераспространения ядерного оружия в негативном плане. К их числу относится стремление группы государств приблизиться к грани, за которой они оказались бы в роли игнорирующих режим нераспространения, а также и переступить эту грань. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 52/4 “Риск ядерного распространения на Ближнем Востоке”, а также предшествующая ей более адресная резолюция “Ядерное вооружение Израиля” свидетельствуют о том, что озабоченности международного сообщества отношением ряда государств к международному режиму нераспространения ядерного оружия имеют под собой серьезные основания. С еще более серьезным вызовом этому режиму международное сообщество столкнулось в 1938 г., когда Индия и Пакистан произвели испытания ядерного оружия, прикрываясь своим неучастием в этом договоре. Такую свою позицию они пытаются мотивировать тем, что договор носит якобы дискриминационный характер, поскольку закрепляет право иметь ядерное оружие только за пятью ядерными державами, которые обладали этим оружием перед заключением договора, а за всеми другими участниками договор признается статус государств, не обладающих ядерным оружием.

Но в этой дифференциации, отражающей реальности заключения и почти тридцатилетнего функционирования Договора о нераспространении, нет оснований усматривать какую-либо дискриминацию.

Россия, США, Англия, Франция и Китай, за которыми договором закреплён статус государств, обладающих ядерным оружием, являются вместе с тем постоянными членами Совета Безопасности ООН, на который членами ООН (а значит, и Индией и Пакистаном) возложена особая главная ответственность за поддержание мира и безопасности и который при осуществлении своих функций действует от имени всех государств, входящих в ООН. Обладание ядерным

оружием сочетается, таким образом, у пяти государств с участием в несении основного бремени этой международной ответственности. Следовательно, закрепление в Договоре о нераспространении только за пятью державами права иметь ядерное оружие является не большей “дискриминацией”, чем возложение на них по Уставу ООН статуса постоянного членства в Совете Безопасности.

Распространяется также довод о том, что неподписание Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний является обстоятельством, освобождающим Индию и Пакистан от ответственности в отношении произведенных ими ядерных взрывов. Дело однако обстоит не так просто и не может сводиться только к такого рода упрощенно трактуемому формально-юридическому моменту.

Известно, например, что некоторые государства не входят в состав ООН и не являются участниками ее Устава как основополагающего договорного акта. В Уставе имеется, однако, положение, согласно которому ООН “обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее членами, действовали в соответствии” с ее “принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности”. Проследивания генезиса Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, и в частности, те многочисленные резолюции, которые в ООН были приняты на протяжении не одного десятка лет по вопросам этих испытаний, нельзя не прийти к выводу, что их прекращение стало насущным требованием международного сообщества, возведенным в принцип, в “ранг” принципиальной позиции. ООН, следовательно, имеет основания заняться обеспечением того, чтобы и государства, не подписавшие Договор 1996 г., не действовали вразрез с такого рода принципом, иначе говоря, не подрывали волюнтенных в договоре решений ООН, договоренностей о безъядерных зонах и других актов международного режима запрещения ядерных испытаний. Конечно, неподписание договора 1996 г. не налагает на государство обязательств по договору. Это, однако, едва ли может трактоваться так, что государство может идти дальше и вообще игнорировать объект и цель договора в условиях, когда подавляющее большинство других государств поддерживают эти объект и цель. Совет Безопасности ООН в своей резолюции Ц72 (1998) по поводу индо-пакистанских ядерных испытаний отнюдь не случайно подтвердил “исключительно важное значение” как Договора о нераспространении ядерного оружия, так “и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний для глобальных усилий, направленных на достижение ядерного нераспространения и ядерного разоружения”.

В международной практике есть прецеденты, свидетельствующее о том, что поскольку речь идет о ядерном оружии, традиционный постулат международного договорного права, в силу которого для не участвующих государств договор не создает обязательств, утрачивает свой абсолютный характер. Известно, например, что участниками Договора об Антарктике, запрещающего ядерные испытания в районе действия договора, является небольшое число государств. Но это не значит, что другие государства могут этот запрет игнорировать и проводить в Антарктике испытания, ссылаясь на свое неучастие в договоре.

Индийский, да и пакистанский “открытый ядерный выбор” представляется иллюзорным, необоснованным с точки зрения реальных возможностей обеспечения их безопасности. Провозглашаемая ими озабоченность обеспечением своей “национальной безопасности” могла бы быть снята не упованием на ядерное оружие, а обретением статуса государства, не имеющего такого оружия, и получением связанных с этим гарантий безопасности со стороны ядерных держав, что предполагает присоединение к Договору о нераспространении. Эти гарантии были даны всем безъядерным странам ядерными державами и санкционированы Советом Безопасности ООН еще в 1968 г. перед открытием тогда же для подписания Договора о нераспространении. В 1995 г. в связи с принятием на

конференции его участников решения о бессрочности действия договора, гарантии, выраженные в заявлениях каждой из ядерных держав, были обновлены и вновь закреплены резолюцией Совета Безопасности 984 (1995). Сущность гарантий сводится к тому, что в случае угрозы нападения на неядерное государство— участника Договора о нераспространении с применением ядерного оружия этому государству обеспечивается необходимая помощь и поддержка.

Претендуя на “ядерность” и уклоняясь от участия в Договоре о нераспространении, Индия и Пакистан сами лишают себя такого рода гарантий. Для Индии они практически нейтрализовали бы тот фактор, который она расценивает как китайскую ядерную угрозу, коль скоро Индия закрепила бы за собой статус неядерного государства и тем самым обрела бы соответствующие гарантии безопасности. Если же ее устраивает противоположное, то значит дело отнюдь не в китайской ядерной угрозе, а в притязаниях на некое ядерное величие.

На ряде авторитетных международных форумов эти притязания по существу были осуждены и отвергнуты. Совет Безопасности ООН в уже упоминавшейся резолюции 1172 отказал Индии и Пакистану в признании за ними ядерного статуса, напомнив, что “в соответствии с договором о нераспространении ядерного оружия Индия или Пакистан не могут иметь статуса обладающего ядерным оружием государства”. Таким образом Совет Безопасности ООН дезавуировал и делегитимизировал попытки явного обретения ядерного статуса. В этом контексте обращает на себя внимание еще одно обстоятельство.

Как известно, в течение многих лет Индия ежегодно вносила в ООН проект конвенции о запрещении применения ядерного оружия, в котором одно лишь “существование ядерного оружия” расценивается как “угроза самому существованию человечества”⁶. Пакистан в ООН неизменно выступает с проектами, на основе которых Генеральная Ассамблея принимает резолюции “создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Южной Азии”. В этих резолюциях Ассамблея заявляет о своей поддержке в принципе концепции такой зоны и, более того, принимает к сведению, как это сказано в резолюции, “сделанные на высшем уровне правительствами государств Южной Азии, которые разрабатывают свои мирные ядерные программы, заявления, подтверждающие их обязательство не приобретать и не производить ядерного оружия и осуществлять свои ядерные программы исключительно в целях экономического и социального развития их народов”⁷. Очевидно, что все эти и другие подобные шаги предпринимались Индией и Пакистаном в целях политической маскировки их подлинной ядерной политики, выражали двойственный характер их внешнеполитического курса.

В том, что касается двух названных южно-азиатских стран, оптимальным решением проблемы, созданной обретением ими ядерного оружия, явилось бы отлучение их от этого средства массового поражения. На этот счет уже имеется складывающаяся международная практика в отношении государств, которые ядерным оружием обзавелись или пытались обзавестись, игнорируя Договор о нераспространении. Показательны, в частности, в этом плане усилия ООН, ее Совета Безопасности и специально созданной Комиссии в отношении Ирака. В этом же направлении, но при вовлеченности главным образом, МАГАТЭ действовал ряд государств, включая США, в связи с попытками КНДР освободиться от обязательств по нераспространению ядерного оружия и развязать себе руки в создании такого оружия. Наиболее характерным примером является уже упоминавшийся отказ от обладания ядерным оружием со стороны ЮАР. При том, что главным фактором, несомненно, являлся процесс ликвидации режима апартеида, свою роль сыграло и многолетнее массированное политико-правовое давление на эту страну на международном уровне, в особенности по линии ООН, Движения неприсоединения и ряда других форумов. В конечном итоге ЮАР, как уже

указывалось, вынуждена была встать на путь соблюдения международного режима нераспространения ядерного оружия.

Именно эпопея с отказом ЮАР от ядерных амбиций могла бы сыграть прецедентную роль в денуклеаризации Индии и Пакистана, хотя не следовало бы априори исключать обращения к мерам, к которым прибегли в отношении Ирака, КНДР и прибегают по линии ООН в отношении Израиля, его ядерных устремлений, как это, в частности, видно из решений Генеральной Ассамблеи ООН о ядерном вооружении этого государства, о риске ядерного распространения на Ближнем Востоке.

Все это, конечно, не должно заслонять того, что случаи игнорирования международного, а по определению Совета Безопасности, глобального режима нераспространения ядерного оружия, не могут, хотя бы и под предлогом неучастия в соответствующих договорах, рассматриваться как правомерное поведение государства.

В резолюции 1172 Совет Безопасности, напомнив о своей главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности, "требует, чтобы Индия и Пакистан воздержались от дальнейших ядерных испытаний и в этом контексте призывает все государства не проводить никаких испытательных взрывов ядерного оружия и никаких других ядерных взрывов в соответствии с положениями Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия."

В контексте статьи 25 Устава ООН, в которой государства-члены согласились "подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их", это требование Совета, обращенное ко всем государствам, приобретает нормообразующий характер с присущей этому императивностью. Очевидно, что невыполнение этого требования не может не рассматриваться как серьезное правонарушение. В условиях, когда оно касается ядерного оружия, способного в случае применения вызвать катастрофу глобального масштаба, и учитывая существование целой группы "пороговых государств", нельзя будет впредь ориентироваться только на то, чтобы лишь реагировать на случившееся, как это произошло в отношении индо-пакистанского ядерного "дуплета", первичная реакция на который, включая индивидуальные заявления ядерных держав, была едва ли адекватной и скорее походила на некую импровизацию *ad hoc*, предпринятую к тому же *post factum*.

Ядерное оружие, проблема его территориального ограничения, тем более несоблюдение такого императива этого ограничения, как пространственный, принадлежит к числу проблем, для решения которых требуется гораздо большее: как минимум комплекс мер, направленных на предотвращение, превенцию нарушений международного режима нераспространения, равно как и мер, направленных на реализацию ответственности за их совершение. Одним из действенных средств удовлетворения этой двуединой потребности могла бы быть международная криминализация действий, противоречащих международному режиму нераспространения ядерного оружия.

* * *

В том, что касается таких видов оружия массового поражения, как химическое и бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие, концепция их международной криминализации уже обретает зримые очертания.

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г. обязывает каждое участвующее в ней государство запретить физическим и юридическим лицам, находящимся на его территории или в любом другом месте под его юрисдикцией, проводить любую деятельность, запрещенную государству по конвенции, предписывая в то же время принять уголовное законодательство в отношении такой

деятельности и распространить его на любую деятельность, "которая проводится где бы то ни было физическими лицами, обладающими его гражданством, в соответствии с международным правом"⁸."

В связи с ведущейся в настоящее время в рамках Рабочей группы государств—участников Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г. работой по подготовке Протокола к этой конвенции можно ожидать, что более или менее аналогичное положение будет выработано и применительно к конвенции 1972 г.⁹.

Характерной является в Уголовном кодексе России статья, согласно которой уголовно наказуемым является "производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также других видов оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации". Эта статья, озаглавленная "Производство или распространение оружия массового поражения" и предусматривающая лишение свободы на срок от пяти до семи лет, фигурирует в кодексе в разделе "Преступления против мира и безопасности человечества".

Уголовную наказуемость запрещенных конвенцией о химическом оружии действий предусматривает законодательство и других государств, в частности, Англии Chemical Weapons Act 1996; Германии — Закон о порядке выполнения Конвенции по химическому оружию 1994 г., Австралии — The Chemical Weapons Prohibition and Arms Limitation 1994. Уже упоминавшийся проект закона об объявлении Исландии страной, свободной от ядерного и химического оружия, предусматривает уголовное наказание за серьезное нарушение закона.

В кругах исследователей упомянутые конвенционные и национально-правовые положения вызвали естественное стремление консолидировать и кодифицировать такого рода нормы на основе концепции международной криминализации химического и биологического оружия как самостоятельного комплекса норм, сведенных в международную конвенцию по этому вопросу.

В начале 1996 г. первоначальный проект такой конвенции был подготовлен в рамках Harvard Sussex Programs on CBA Armaments на встрече группы юристов, состоявшейся в Кембридже (Массачусетс, США) в январе 1997 г. Следующая встреча, носившая международно-представительный характер, состоялась 1—2 мая 1998 г. в Исследовательском Центре по международному праву Центр Лаутерпахта при Кембриджском университете. Замысел состоит в том, чтобы, выработав проект на академическом уровне, привлечь к нему внимание правительств, имея в виду вынести его в последующем на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН с целью принятия ею соответствующей конвенции. Существо такой конвенции состояло бы в том, что предусматривалась бы ответственность перед национальными судами или Международным уголовным судом, причастных к химическому и биологическому оружию работников, в особенности тех, кто играет руководящую роль, за действия, запрещенные по конвенциям 1993 и 1972 гг.¹⁰

Отдается, конечно, отчет о том, что в отношении химического и биологического оружия речь идет о криминализации оружия, которое запрещено в международном порядке, криминализации этих видов оружия как таковых. Международно-правового запрета на ядерное оружие еще не установлено. Это нашло свое отражение и в известном Консультативном заключении Международного суда, вынесенном по запросу Генеральной Ассамблеи ООН в 1996 г. Оно получило в Суде семь голосов против семи, несмотря на такое разделение голосов, заключение считается принятым, так как в числе голосовавших "за" был председатель Суда. Главное положение Консультативного заключения гласит, что "...угроза ядерным оружием или его применение в целом противоречили бы нормам международного права, применимым в период вооруженного конфлик-

та... Однако с учетом нынешнего состояния международного права и тех материалов дела, которыми Суд располагает, Суд не может сделать окончательный вывод о том, будут ли угроза ядерным оружием или его применение законными или незаконными в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование государства¹¹».

Хотя и не установлено общего запрещения на ядерное оружие как таковое, из договора о его нераспространении и из международного режима нераспространения ядерного оружия совершенно определено вытекает противоправность, запрещенность действий, влекущих распространение. В свете этого по причинам опасности, которую несет с собой это оружие, в силу угрозы, которую представляет его распространение, обоснованно ставить вопрос о международной криминализации действий, в которых распространение выражается, и о заключении соответствующего международного соглашения. К такому выводу подводит и международная практика криминализации действий, запрещенных международными соглашениями.

Такие соглашения, обязывающие государства вводить в национальное законодательство нормы, предусматривающие уголовную ответственность за деяния, на пресечения которых соглашения направлены, заключались еще в прошлом веке. Это однако было изначальной и простейшей формой криминализации этих деяний, когда дело сводилось к обязательству установить уголовную ответственность за запрещенную конвенцией деятельность, такую как, например, подделка денежных знаков.

По мере становления и развития международного уголовного права, важнейшими проявлениями чего явились уставы и приговоры соответственно Нюрнбергского и Токийского международного военных трибуналов, подтверждение воплощенных в них принципов международного права по линии ООН, разработка проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, концепция международной криминализации обретала все более емкое, развернутое и глубокое содержание. Об этом свидетельствуют соответствующие положения таких многосторонних соглашений, как Конвенция о предупреждении и наказании преступления геноцида 1948 г., Международная конвенция о ликвидации и наказании международного преступления апартеида 1973 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о предотвращении преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов, 1973 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о физической защите ядерных материалов 1980 г., Конвенция против пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1985 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами против безопасности морской навигации 1988 г., Международная конвенция с борьбе с бомбовым терроризмом 1998 г. К этому отнюдь не исчерпывающему перечню следует отнести также серию конвенций, направленных на обеспечение безопасности гражданской авиации, заключенных в 1970—71 гг.

В том виде, в каком концепция международной криминализации нашла свое отражение во всех этих конвенциях, в ней выявляется ряд присущих ей элементов. К их числу можно отнести следующие: определение в международном порядке путем межгосударственного соглашения составов преступлений, в случае совершения которых государство-участник обязуется предусмотреть уголовное наказание. При этом в ряде конвенций подчеркивается не только международная опасность, но и вообще международный характер этих преступлений путем их договорной квалификации в качестве именно международных (геноцид) либо преступлений против мира и безопасности человечества (апартеид). В

конвенции о защите дипломатов акцент делается на "международном совершении" посягательств на лиц, пользующихся международной защитой;

обязательство государства установить свою юрисдикцию в отношении запрещаемых конвенцией преступных деяний;

обеспечение того, чтобы эта юрисдикция носила универсальный характер как в отношении возможности ее осуществления безотносительно к гражданству привлекаемого к уголовной ответственности лица, так и независимо от места совершения преступления или места нахождения "предполагаемого преступника, что в совокупности призвано создать невозможность для него уйти от ответственности, ситуацию неотвратимости наказания;

возможность осуществления международной юрисдикции в качестве альтернативы юрисдикции национальной, как это предусмотрено, например, в конвенции о бомбовом терроризме. В этой связи немалые перспективы открывает принятие на Дипломатической конференции, созванной в 1998 г. под эгидой ООН, Статута международного уголовного суда. Суд, согласно Статуту, является постоянным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, в Статуте дается подробный перечень этих преступлений и дополняет национальные органы уголовной юстиции¹²;

принцип *out de dere out judicatte* и его развернутая нормативная регламентация, предусматривающая своего рода универсализацию обязательства о выдаче предполагаемых преступников. При этом вопрос о выдаче трактуется таким образом, что отсутствие специального договора о выдаче не рассматривается как правовое препятствие к его осуществлению. Государствам в этом случае предоставляется возможность трактовать в качестве основания для выдачи само международное соглашение, криминализирующее соответствующее деяние. Предусматривается также обязательство включать запрещенные таким соглашением деяния в перечень преступлений, в отношении которых может производиться выдача, в договорах о выдаче, которые бы заключались в будущем.

Еще одним элементом международной криминализации следует считать положение о том, что, как это предусмотрено в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятом в 1991 г. Комиссией международного права ООН в первом чтении, судебное преследование какого-либо лица за такого рода преступление не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству в связи с данным преступлением¹³.

Как видно из конвенций о химическом и бактериологическом оружии, новым явлением в развитии процессов криминализации является то, что она начала охватывать сферы, связанные с регулированием вооружений, включая оружие массового поражения.

В этом контексте особенно существенным становится то, что в совокупности все изложенные выше элементы международной криминализации, будучи сведенными в международное соглашение, способны выполнять функцию фактора, развивающего и усиливающего запрещение, установленное разоруженческим соглашением. Такая функция международной криминализации очевидно применительно к химическому и бактериологическому оружию, запрещение которого сочетается с отправными положениями для его криминализации, как это выражено в цитированной статье конвенции о химическом оружии, либо с формированием подобных положений, как это видно из разрабатываемого протокола к конвенции о бактериологическом оружии.

Хотя воплощенное в Договоре о нераспространении запрещение действий, составляющих его нарушение, не сопровождается такого рода отправными положениями, с точки зрения правовой это восполнимо и вообще перекрывается

совокупностью тех элементов международной криминализации, о которых речь шла выше.

Договор о нераспространении, как и конвенции о химическом и бактериологическом оружии, обращены к государствам и обязательства устанавливаются для них. Но конкретные действия, в которых бы выражалось распространение ядерного оружия, совершаются физическими лицами, в том числе теми, которые осуществляют распорядительные функции, и соглашение о криминализации не может не быть "адресовано" именно им, направлено на воздействие на индивидумов, включая тех, кто санкционировал бы акты распространения ядерного оружия.

Нет необходимости повторять уже высказанные соображения о превентивной значимости подобного урегулирования в том, что касается соблюдения международного режима нераспространения, о его, этого урегулирования значимости как воплощения ответственности за нарушения этого режима. Именно в этом состоит главный смысл и назначение предлагаемого Соглашения, проект которого воспроизводится ниже. Несомненно, что разработка и заключение такого соглашения существенно упрочивало бы международный режим нераспространения ядерного оружия. А это является одним из насущных приоритетов человечества и мирового сообщества сегодня и в грядущем веке.

¹ А б а р е н к о в В. П., К р а с у л и н Б. П. Разоружение. Справочник. М.: 1988. — С. 160—168.

² Jargalsaikhany Enkhsaikhany. Nuclear Weapon Free Zones: Prospects and Problems. Disarmaments. A Periodic Review by the United Nations, Volume XX, Number I, pp. 75—76; 79—81

³ John Simpson. The preparatory Committees for the 2000 NPT Review Conference: Issues Regarding Substance. Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation. Issue Review, 3 II, March 1997, pp. 1—2.

⁴ Разоружение. Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций. Том XV, Номер 4, 1992. — С. 203—205.

⁵ Там же, Том XVIII, Номер I, 1995. — С. 232—237.

⁶ A/Res/52/39c, Annex.

⁷ Resolutions Adopted by the General Assembly during the First Part of its Fifty-second session. Press Release GA 93/93, p. 135.

⁸ Действующее международное право. М., Том 2, 1997. — С. 454.

⁹ Rolling Texts BWC/Ad Hoc Group/39 Annex I, p. 92.

¹⁰ International Criminalization of Biological and Chemical Weapons. Lauterpacht Research Centre for International Law. University of Cambridge. 1—2 May 1998.

¹¹ Международный Суд. Консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. 8 июля 1996 г. Пункт 105 2E

¹² A/Conf. 183/C. I/L. 76/Add.1

¹³ Commentary to the Draft Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Developing, Producing, Acquiring, Stockpiling, Retaining, Transferring or Using Biological or Chemical Weapons, p. 3

Статья поступила в редакцию в январе 1999 г.

СОГЛАШЕНИЕ

о международной криминализации актов, противоречащих международному режиму нераспространения ядерного оружия

Государства—участники настоящего Соглашения,

Исходя из того, что в интересах уменьшения и eventualного устранения угрозы, которую несет для человечества ядерное оружие, установлен международный режим его нераспространения, основой которого является Договор о нераспространении ядерного оружия, воплощающий принцип нераспространения как принцип *jus cogens*,

Напоминая, что Договор о нераспространении предусматривает встречные обязательства поименованных в нем ядерных держав, с одной стороны, и государств, не обладающих ядерным оружием, с другой, соответственно запрещая этим категориям государств перечисленные в Договоре действия,

Убежденные в том, что Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний также является важным вкладом в решение проблемы предотвращения ядерного распространения во всех его аспектах,

Признавая, что акты распространения ядерного оружия совершаются в результате решений и действий индивидуальных лиц, включая должностных лиц государства, и им подобных работников негосударственных предприятий и организаций, а также и частных лиц,

Считая, что распространение ядерного оружия, включая тактическое, серьезно увеличивает опасность его применения в военном конфликте, что имело бы катастрофические последствия, даже если это применение совершалось бы в рамках регионального или локального конфликта,

Напоминая о том, что Совет Безопасности ООН в итоге заседания на высшем уровне, состоявшегося в январе 1992 г., пришел к выводу, что распространение всех видов оружия массового уничтожения “представляет собой угрозу международному миру и безопасности”,

Напоминая далее, что в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении заложена основа криминализации запрещенной конвенцией деятельности, а применительно к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия и об их уничтожении ведется разработка Протокола, также предусматривающего криминализацию запрещенных конвенцией действий,

Ссылаясь на принятие Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН, состоявшейся в 1998 г., Статута Международного уголовного суда, согласно которому этот независимый постоянный судебный орган, дополняя национальные органы юстиции, уполномочен осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества,

Твердо убежденные, что в сложившейся в мире постконфронтационной ситуации возрастают возможности эффективного воздействия норм и институтов международного уголовного права на предотвращение и пресечение преступных посягательств на основы международного правопорядка, одной из которых является международный режим нераспространения ядерного оружия, а также позитивного влияния на осуществление дальнейших действенных мер по укреплению этого режима, а равно и по продвижению процесса ядерного разоружения,

Последовательно поддерживая неотъемлемое право всех государств развивать

исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации,

Согласились о нижеследующем:

Статья 1

1. Любое лицо, находящееся под юрисдикцией государства, обладающего ядерным оружием, как это государство определено в Договоре о нераспространении, совершает преступление, если это лицо распоряжается о том, чтобы:

- а) передать кому бы то ни было ядерное оружие;
- б) передать кому бы то ни было контроль над таким оружием прямо или косвенно;
- в) оказать помощь какому-либо государству, не обладающему ядерным оружием, либо побудить это государство к производству или приобретению каким-либо иным способом ядерное оружие или контроль над таким оружием.

2. Преступление совершает любое лицо, охарактеризованное в первом абзаце пункта 1 настоящей статьи, если это лицо руководит действиями, предусмотренными подпунктами а, б и в пункта 1.

Статья 2

1. Любое лицо, находящееся под юрисдикцией любого государства, не обладающего ядерным оружием, совершает преступление, если это лицо распоряжается о том, чтобы:

- а) принять передачу от кого бы то ни было ядерного оружия;
- б) принять контроль над таким оружием прямо или косвенно;
- в) приступить к производству ядерного оружия;
- г) приобрести ядерное оружие каким-либо иным, кроме производства, способом;
- д) добиваться какой-либо помощи в производстве ядерного оружия либо принимать такую помощь.

2. Преступление совершает также любое лицо, охарактеризованное в первом абзаце пункта 1 настоящей статьи, если это лицо руководит действиями, предусмотренными пунктами а, б, в, г и д пункта 1 настоящей статьи.

Статья 3

Для целей настоящего Соглашения термин “ядерное оружие” понимается как охватывающий также и “другие ядерные взрывные устройства”, о которых говорится в статьях 1 и 2 Договора о нераспространении ядерного оружия.

Статья 4

1. Любое лицо, находящееся под юрисдикцией какого-либо из государств, о которых говорится в статьях 1 и 2 настоящего Соглашения, совершает преступление, если это лицо:

- а) предпринимает попытку совершить какое-либо из деяний, предусмотренных статьями 1 и 2 настоящего Соглашения;
- б) умышленно участвует в совершении такого рода деяния;
- в) умышленно оказывает существенное содействие кому бы то ни было в совершении этого деяния.

2. То обстоятельство, что лицо действовало в совсем официальном качестве, либо по приказу или указанию со стороны государства, вышестоящего руководителя, публичного или частного органа или любого другого лица или по

каким-либо другим основаниям, не будет являться обстоятельством, освобождающим от ответственности, предусмотренной настоящим Соглашением.

Статья 5

Ничто в настоящем Соглашении не может трактоваться как препятствующее осуществлению неотъемлемого права государств развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации.

Статья 6

Каждое государство—участник настоящего Соглашения сделает преступления, предусмотренные статьями 1, 2 и 4, наказуемыми соответствующими наказаниями, которые принимают во внимание тяжкий характер этих преступлений.

Статья 7

Каждое государство—участник настоящего Соглашения примет такие меры, которые могут быть необходимыми для установления своей юрисдикции в отношении преступлений, предусмотренных статьями 1, 2 и 4, которые совершены:

- а) на территории этого государства, либо на борту морского либо воздушного судна, зарегистрированного в этом государстве;
- б) когда предполагаемый преступник является гражданином этого государства;
- в) когда, если указанное государство сочтет это целесообразным, предполагаемый преступник является лицом без гражданства, обычно проживающим на его территории;
- г) когда преступление совершено с целью нанесения ущерба этому государству или его гражданам либо с целью принудить это государство совершить или воздержаться от совершения какого либо действия.

2. Каждое государство—участник принимает также такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления своей юрисдикции в отношении преступлений, предусмотренных статьями 1, 2 и 4, в случаях, когда преступник находится на его территории и оно выдает его во исполнение статей 8 и 9.

3. Каждое государство—участник информирует депозитария настоящего Соглашения о законодательных и административных мерах, принятых для проведения Соглашения в жизнь.

4. Каждое государство—участник укажет контактное подразделение в своем правительстве, с которым другие государства—участники могут связываться по вопросам, относящимся к настоящему Соглашению. О назначении такого контактного подразделения уведомляется депозитарий.

5. Настоящая Конвенция не исключает какой-либо уголовной юрисдикции, осуществляемой в соответствии с национальным правом.

6. Юрисдикция в отношении преступлений, предусмотренных в статьях 1, 2 и 4, может также осуществляться международным судебным органом, который имеет или обретет компетенцию в этих вопросах.

Статья 8

1. Убедившись, что обстоятельства того требуют, каждое государство—участник, на территории которого находится предполагаемый преступник, заключает его под стражу или принимает другие меры для обеспечения присутствия этого лица для целей его уголовного преследования или выдачи. Такое государство немедленно осуществляет первичные следственные действия в отношении предполагаемого преступника.

2. Заключение под стражу и другие меры, предусмотренные законодательст-

вом государства, упомянутого в пункте I настоящей статьи, могут длиться только в течение такого времени, которое необходимо для возбуждения уголовного преследования или приведения в действие процедур выдачи.

3. Когда государство, в соответствии с настоящей статьей, заключило лицо под стражу, оно немедленно уведомляет государство, которое установило юрисдикцию согласно статье 7 и, если оно считает это целесообразным, любые другие заинтересованные государства о факте заключения под стражу такого лица и об обстоятельствах, которые потребовали его задержания. Государство, которое осуществляет первичные следственные действия, без промедления сообщает об их результатах упомянутым государствам и указывает, намерено ли оно осуществлять юрисдикцию.

Статья 9

1. Преступления, предусмотренные статьями 1, 2 и 4, считаются включенными в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче, существующий между государствами-участниками. Государства-участники обязуются включать эти преступления в качестве влекущих выдачу в каждый договор о выдаче, который будет заключаться между ними.

2. Для целей выдачи в отношениях между государствами-участниками преступления, предусмотренные в статьях 1, 2 и 4, не будут рассматриваться как преступления политические или как преступления, совершенные по политическим мотивам.

3. Если государство-участник, которое обуславливает выдачу существованием договора о выдаче, получает просьбу о выдаче от другого государства участника, не имеет договора о выдаче, оно может, если оно решит произвести выдачу, рассматривать настоящее Соглашение как правовую основу для выдачи в отношении преступлений, предусмотренных статьями 1, 2 и 4. Выдача подчиняется другим условиям, предусмотренным законодательством государства, к которому обращена просьба о выдаче.

4. Преступления, предусмотренные статьями 1, 2 и 4, будут рассматриваться для целей выдачи между государствами-участниками как если бы они были совершены не только в том месте, где это произошло, но также на территориях государств, от которых требуется установить свою юрисдикцию в соответствии со статьей 7.

Статья 10

Государство-участник, на территории которого предполагаемый преступник обнаружен, если оно его не выдает, обязано без каких бы то ни было исключений и независимо от того, было ли преступление совершено на его территории, безотлагательно передать дело компетентным властям для целей судебного преследования путем разбирательства в соответствии с законами этого государства. Эти власти примут свое решение, как и в случае любого другого преступления серьезного характера, в соответствии с законодательством этого государства.

Статья 11

1. Государства-участники предоставят друг другу все возможное содействие в связи с уголовным разбирательством, возбужденным в отношении преступлений, предусмотренных статьями 1, 2 и 4, включая содействие в получении улик, имеющихся в их распоряжении и необходимых для разбирательства.

2. Положения пункта первого настоящей статьи не затрагивают обязательств, касающихся взаимной правовой помощи, предусмотренных в любой другом договоре.

Статья 12

Государства-участники будут сотрудничать в предотвращении преступлений, предусмотренных статьями 1, 2 и 4, в особенности путем:

- а) принятия всех практически осуществимых мер с целью предотвращения подготовки на их соответствующих территориях к совершению этих преступлений в пределах или за пределами этих территорий;
- б) обмена информацией и координирования принятия административных и других соответствующих мер с целью предотвратить совершение этих преступлений.

Статья 13

Любому лицу, в отношении которого осуществляется разбирательство в связи с каким-либо из преступлений, предусмотренных статьями 1, 2 и 4, будет гарантировано справедливое обращение на всех стадиях разбирательства, включая:

- а) содействие в немедленном установлении связи с соответствующим властями государства, уполномоченного осуществлять покровительство;
- б) право на посещение представителем этого государства;
- в) пользование всеми правами и гарантиями, предусмотренными законодательством государства, на территории которого такое лицо находится;
- г) обращение в соответствии с международно гарантированными правами человека.

Статья 14

1. Каждое государство-участник предоставляет в соответствии со своим законодательством депозитарию настоящего соглашения, настолько быстро, насколько возможно, любую относящуюся к делу информацию, которую оно имеет относительно:

- а) обстоятельств преступления;
- б) мер, принятых в отношении преступника или предполагаемого преступника и в особенности результатов любого разбирательства о выдаче либо любого другого юридического разбирательства.

2. Государство-участник, где предполагаемый преступник подвергается судебному преследованию, сообщает об окончательных результатах депозитарию, который передает эту информацию другим государствам-участникам.

Статья 15

Любой спор между государствами-участниками относительно толкования или применения настоящего Соглашения, который не будет урегулирован путем переговоров, будет по просьбе одного из них передан на арбитражное разбирательство. Если в течение шести месяцев, начиная с даты заявления просьбы об арбитражном разбирательстве, стороны окажутся не в состоянии договориться об организации такого разбирательства, любая из этих сторон может передать спор в Международный суд

Статья 16

1. Через пять лет после вступления настоящего Соглашения в силу или ранее, если об этом попросит большинство государств-участников, представив соответствующее предложение депозитарию, будет созвана конференция государств-участников для рассмотрения действия настоящего Соглашения для обсуждения того, как осуществляются положения Соглашения.

2. После этого с интервалами в семь лет, если не будет договоренности об ином, будут созываться дальнейшие сессии конференции с той же самой целью: относительно: Статьи 17 и последующие поправки, вступления в силу, срока действия, депозитария, подписания и ратификации, аутентичных текстов.

Автор проекта В.А. Романов.

ЖЕНЩИНЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ЛЮБОВЬ МУЖЧИН

Внешне неприметные, а на поверку неожиданные перемены происходят в дипломатии, внешней политике, которые влияют и на международное право. К примеру, начало года 1998 ознаменовалось назначением на пост министра иностранных дел Мексики привлекательной и по-своему красивой женщины. Зовут ее Росарио Грин. До назначения на этот высокий пост она входила в состав сената страны и имела большой опыт работы в ООН. Оказалось, что это назначение вдруг отдало внешнеэкономические бразды правления двух стран, где проживает подавляющее большинство населения Северной Америки, в руки женщин. США (около 270 млн. человек), где уже долгое время на посту госсекретаря находится Мадлен Олбрайт, и вот теперь Мексика (около 90 млн. человек) стали “феминизированными” в области внешней политики. Хорошо это или плохо, покажет будущее.

А вот любовь к женщине по-своему повлияла на развитие событий на Ближнем Востоке, хотя в данном случае она и не является министром иностранных дел. Дело в том, что сирийский министр обороны Мустафа Тлас с юных лет был влюблен в итальянскую звезду Джину Лоллобриджиду, коллекционировал ее фотографии, писал ей письма. Любовь сохранилась и поныне. На юге Ливана находятся миротворческие силы ООН, чтобы предотвратить широкомасштабную войну между Ливаном и Израилем. Когда среди этих сил появился итальянский контингент, генерал отдал приказ силам ливанского сопротивления, которых поддерживает Сирия, не стрелять по итальянцам. “С американцами, англичанами и прочими можно делать, что угодно, но ни один итальянец не должен пострадать”, — уточнил военачальник. Ему не хотелось, чтобы “из глаз Джины Лоллобриджиды выкатилась хоть одна слезинка”. Приказ беспрекословно выполняется.

Ассошиэйтед Пресс; Рейтер;
ежедневная правительственная газета в княжестве Дубай “Аль-Баян”,
которая опубликовала интервью с М. Тласом.